

УДК 951.4

В.А. Клиновский

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КНР В СИНЬЦЗЯНЕ И ЕЕ РОЛЬ
В КИТАЙСКО-УЙГУРСКОМ КОНФЛИКТЕ**

Анализируются цели государственной языковой политики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Опираясь на исследования китайских и американских ученых, автор делает вывод о том, что языковая политика КНР оказывается одним из важнейших факторов культурного конфликта в Синьцзяне.

Ключевые слова: языковая политика, Синьцзян, КНР, национальная политика, китайский язык, уйгурский язык.

Со времен образования КНР в северо-западных регионах Китая, прежде всего в таких как Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский (СУАР) и Тибетский автономные районы, достаточно остро стоит национальный вопрос. В этих регионах традиционно проживают национальные меньшинства, ранее имевшие достаточно слабые контакты с ханьцами, весьма различные по этническому происхождению, относящиеся к разным религиозным конфессиям и говорящие на различных языках. На современном этапе в рамках многонационального государства, коим сейчас является Китай, любые этнические группы (будь то малочисленные народы или титульная нация) наделяются равными правами: правом на собственную историю и культуру, правом на свободу вероисповедания и другими правами.

Следует сразу же отметить, что в КНР в ее современной истории эти права в основном не ущемлялись сколько-нибудь серьезным образом. Исповедуя идеологию атеизма, китайское руководство, как правило, не навязывало малым народам какие-либо религии. Для государств, где наиболее распространенной религией является буддизм, закрепление его в качестве религии официальной вообще не свойственно. Также не отмечалось за этот период масштабных преследований на национальной почве. Однако в других областях культуры отношения китайцев и соседних народов складывались не всегда гладко.

Лишь в 50-х гг. XX в. к территории Китая были присоединены Тибет и Восточный Туркестан (ныне Синьцзян). Как тибетцы, так и тюркские народы Синьцзяна, в основном уйгуры, имеют древнюю историю и богатые культурные традиции. Уйгуры являются преемниками тохарской цивилизации, существовавшей на этих территориях более 2000 лет назад. Естественно, что при новых порядках, в условиях коммунистической диктатуры маоистов все они столкнулись с необходимостью мириться с этой но-

вой идеологией. В связи с низким уровнем индустриализации КНР в первые десятилетия ее существования и неразвитостью коммуникаций западные национальные автономии долгое время не ощущали на себе культурного давления со стороны ханьского этноса. Но ситуация изменилась с принятием курса на экономическое развитие этих регионов и началом массовых переселений туда китайцев из восточных районов в 1980-х гг. [1]. В это время жители национальных автономий на западе страны стали постепенно ощущать на себе активное влияние китайской культуры. Оно, помимо прочего, состояло в том, что местные языки стали вытесняться китайским.

Существует печальная закономерность, состоящая в том, в процессе международной интеграции количество языков в мире неумолимо сокращается. В первую очередь это касается не являющихся официальными ни в одной стране мира языков малочисленных народов, не имеющих собственной государственности. В условиях постоянного научно-технического совершенствования и интенсификации экономических контактов между государствами практическая функция языка как средства общения начинает значительно преобладать над его культурной функцией. Вследствие этого языки мира, имеющие наибольшее число носителей, одним из которых является китайский, получают еще большее распространение и приобретают еще большую популярность, в то время как языки, мало распространенные, слабо приспособленные для международного общения, забываются и исчезают. Это вполне естественный процесс. И для Китая эта проблема особенно актуальна. По подсчетам исследователей из КНР, в стране на грани исчезновения находятся более 130 языков [2]. Некоторые западные ученые вовсе указывают на цифру около 200 [3].

В основе этнополитических конфликтов в западном Китае лежит, прежде всего, вопрос независимости этих территорий. И острее всего эта

проблема стоит в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Идеи независимости Синьцзяна, который был присоединен к Китаю фактически насильственным путем, где на протяжении первой половины XX в. не раз вспыхивали восстания, активно пропагандируются отдельными группами лиц и политическими деятелями как в самом Китае, так и за рубежом (преимущественно в исламских государствах) [4]. Конфликт уйгуров и китайцев принял открытый характер в середине 1990-х гг., затем, после десятилетнего затишья, вновь обострился в конце первого десятилетия XXI в. При этом нередко противостояние принимает экстремальные формы. От акций протеста местное население несколько раз переходило к акциям гражданского неповиновения и организации терактов. Это впоследствии обусловило необходимость тщательного исследования явления уйгурского сепаратизма, и на эту тему появилось множество научных трудов, преимущественно за рубежом [5]. Руководство КНР, естественно, осознает опасность такого положения и принимает различные меры с целью предотвращения кризисов. Прежде всего, усилия направляются на экономическое развитие региона с целью создать в нем такие условия жизни, при которых у населения не было бы причин желать дестабилизации. Стремясь осуществить это в кратчайшие сроки, руководство КНР, не тратя времени на подготовку квалифицированных специалистов в самом регионе, направляет их в Синьцзян из других провинций. Этот шаг многие воспринимают как попытку этнической ассимиляции местного населения.

Но для ассимиляции всегда необходимо некоторое культурное взаимопонимание между народами. На деле уйгуры и этнические китайцы живут весьма изолированно друг от друга. Кроме того, общение между представителями уйгурского и ханьского этноса сильно затруднено. Китайцы, прибывающие с востока, на уйгурском языке не говорят, а для общения между собой выходцы из разных регионов, где распространены диалекты, сильно различающиеся фонетически и лексически, вплоть до полного непонимания между их носителями, естественным образом избирают официальный разговорный язык путунхуа, что в дословном переводе означает общеупотребительный язык. Идея его популяризации на территории всей страны в КНР закреплена конституционно. С целью облегчения общения между китайцами по всей стране в КНР и была принята программа по распространению путунхуа. Этот говор, созданный на основе мандаринского диалекта, является единственным, на котором ведут свое вещание СМИ, на нем осуществляется обучение в школах.

Местное уйгурское население преимущественно владеет только своим, специфичным для северо-запада Китая диалектом китайского языка. Таким образом, местное население, для которого китайский язык и так является неродным, вынуждено фактически осваивать его заново. Это дополнительно способствует отторжению китайского языка уйгурами.

Далее, ставя своей задачей облегчение научного общения для дальнейшего развития приграничных районов, руководство страны разрабатывает план реформы образования в районах проживания национальных меньшинств. Одним из результатов этого является то, что начальное образование, к примеру, в Синьцзяне осуществляется отдельно для лиц, говорящих на различных языках. То есть представители малых народов имеют возможность получить его на родном языке, а уже затем начинать углубленно изучать китайский язык как средство межнационального общения. Эта система подробно описывается в трудах некоторых китайских специалистов в области лингвистической педагогики и внешне выглядит довольно продуманной [6]. Однако на деле она имеет серьезные недостатки, в частности, не учитывает высокую сложность изучения двух языков с различными письменными системами для учащихся средней школы. Что же касается высшего образования, то оно во всех вузах страны осуществляется с определенного времени только на китайском языке. В Синьцзяне это привело к резкому сокращению представителей коренных народов, обучающихся в университетах (до 2004 г. преподавание велось на двух языках, теперь же даже преподавание уйгурской литературы иногда ведется на китайском). Этот фактор представляется более серьезным для возникновения недовольства среди коренного населения. Вывод национального языка из сферы высшего образования и, как следствие, из научной сферы вовсе ведет к тому, что языки нацменьшинств перестают развиваться. Они теряют способность вырабатывать неологизмы и новые грамматические конструкции, из-за чего все более неудобны для использования во всех сферах жизни становится государственный язык [7]. Ситуация усугубляется сама собой. И в последнее время в Синьцзяне со стороны коренного населения все чаще звучат заявления о том, что правительство пытается уничтожить уйгурский язык [8].

Многие западные исследователи при анализе культурной составляющей конфликта в Синьцзяне обращают свое внимание именно на лингвистический фактор. В последние годы появилось достаточное количество работ, освещающих роль языковой политики КНР в усугублении культурных

противоречий между китайцами и уйгурами [7]. Действительно, факты говорят о том, что причиной этого не является запрет исламской проповеди, разрушение исторических памятников, запрет на ношение национальной одежды или навязывание пищевого рациона, неприемлемого для мусульманского народа. Главным фактором культурного давления в данный момент является сужение руководством страны сферы для использования национального языка представителями малых народов, которое принимает действительно угрожающие масштабы. При этом нельзя сказать определенно, осуществляют ли китайские лидеры осознанный лингвистический, или, пытаясь способствовать развитию культуры малых народов, неожиданно создают для себя побочную проблему. Так или иначе, при анализе синьцзянского конфликта с точки зрения культуры следует непременно обращать внимание на такой вопрос, как политика государства в отношении языка, в том числе языков малочисленных народов.

Ситуация, сложившаяся в настоящее время в КНР не является исключительной. Процесс постепенного исчезновения национальных языков в крупных странах, как уже отмечалось выше, носит естественный характер. Практически в любом многонациональном государстве можно наблюдать сходный процесс. В Российской Федерации так же, как и в КНР, языки национальных меньшинств имеют крайне узкую сферу употребления. Среди самих представителей определенных национальностей, согласно статистике, появляется все больше людей, не владеющих языком своего народа, что приводит к исчезновению этих языков. Это касается, прежде всего, народов, численность которых особенно мала. Однако при этом далеко не всегда этот процесс ведет к открытому выражению протеста представителями различных этнических групп. Здесь, конечно же, играет свою роль уровень культурного самосознания народа. И если мы говорим о коренном населении Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, то уровень его культурного самосознания очень высок, что определяется преимущественно историческим фактором.

Все это, естественно, понимают и руководители КНР. Но при этом они продолжают реализовывать свой курс в области языковой политики. Задачей любого многонационального государства является обеспечение равноправия для всех проживающих на его территории народов. Одним из неотъемлемых прав этих народов является право на сохранение своей национальной культуры, в том числе и национального языка. И, с одной сто-

роны, государство обязано этому способствовать. Власти КНР в последние десятилетия действительно предпринимали шаги в этом направлении [9]. Но, с другой стороны, критически важным для любого многонационального государства является вопрос о сохранении своей территориальной целостности и национального единства (особенно данная проблема обострилась в последние годы). И нельзя отрицать тот факт, что наличие единого государственного языка является одним из решающих факторов в этом вопросе. Любое многонациональное государство, проводя политику популяризации официального языка, пытается создать такие условия, при которых, во-первых, все его население способно было бы свободно общаться между собой; во-вторых, на всей территории страны создавалось бы некое единое культурное пространство, которое являлось бы наднациональным фактором мирного сосуществования народов. Все это в действительности направлено на осуществление такой прагматичной цели, как сохранение территориальной целостности. И в случае с КНР нет оснований считать, что руководство страны, насаждая столь настойчиво китайский язык в районах национальной автономии, всего лишь реализует популярную сегодня идею лингвистического империализма. На самом деле китайские лидеры находятся в поиске компромисса, притом весьма сложного и труднодостижимого. Это компромисс между необходимостью обеспечения целостности государства и сохранением национальной культуры малых народов [10]. Необходимость поиска такого компромисса встает сегодня в любом государстве, объединившем народы с различной культурой и исторической судьбой. В КНР к настоящему моменту достичь его, к сожалению, пока не удалось. Однако данная проблема не является неразрешимой, и в ближайшем будущем выход, возможно, будет найден.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М., 2010.
2. Hongkai Sun. Research on the endangered languages of China // New developments in Chinese linguistics. Hong Kong, 1999. P. 3–17.
3. Bradley David. Language policy and language endangerment in China // International Journal of the Sociology of Language. 173 (2005). P. 1–21.
4. Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы, 2003.
5. Millward James. Violent Separatism in Xinjiang: A Critical Assessment. Washington, 2004.
6. Rong Ma. Bilingual Education for China's Ethnic Minorities // Chinese Education and Society. 2007. Vol. 40, №. 2. P. 9–25.

7. Dwyer Arianne M. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy and Political Discourse. Washington, 2005.

8. *Uyghur* Language Under Attack: The Myth of “Bilingual” Education in the People’s Republic of China. Uyghur Human Rights Project, 2007.

9. Xing Huang. Minority language planning of China in relation to use and development. Beijing, 2003.

10. Yuxiang Wang, Phillion Joann. Minority language policy and practice in China: the need of multicultural education // International Journal of Multicultural Education. 2009. Vol. 11, № 1.